

...Воспоминания о том, что случилось пять лет назад, вдруг оборвались.

Тань Имин сидел в зале и смотрел на сценические огни. На сцене громко пел тот мальчик, одновременно исполняя завораживающие танцевальные па. Голос у него был таким же проникновенным, как и пять лет назад. Забыть его было невозможно.

Невероятно.

Казалось, будто они еще вчера болтали онлайн и смеялись. Но в мгновение ока до их следующей встречи пролетело почти две тысячи дней и ночей разлуки.

.....

С энергичным выходом на бис, спектакль «Чумовые боты», полностью подготовленный студентами, подошел к концу. По обеим сторонам сцены эжекторы выбросили блестящие золотые ленты, и Сянь Цай, одетый в обтягивающее красное платье, захлопал своими непомерно утрированными накладными ресницами.

Его взгляд слегка сместился к левой дальней части зала, и он легко обнаружил там одновременно странную и знакомую фигуру.

Сянь Цай фантазировал, представляя себе черты этого человека бесчисленное множество раз.

Он должен был быть высоким, с устремленным вдаль взглядом и теплой улыбкой. Но когда он появился перед Сянь Цаем на самом деле, тот обнаружил, что всех прилагательных, возникших у него в сознании, будет недостаточно, чтобы описать внешность этого мужчины.

Тань Имин был первым в зрительном зале, кто встал и начал аплодировать. Он был красив и строен, из-за чего уже сильно выделялся среди аудитории, которая насчитывала менее ста человек. Когда встал он, остальные зрители тоже начали вставать, один за другим.

В конце концов весь небольшой театр разразился бурными аплодисментами, и публика громко хлопала, искренне выражая свой восторг молодым студентам на сцене. Хотя это выступление и было незрелым, наполнявший его энтузиазм невозможно было игнорировать.

Когда занавес наконец-то опустился, ноги Сянь Цая, которые болели так, что он чуть не падал, подкосились, и он практически свалился бы на пол, если бы не девушка, игравшая главную женскую роль, которая подхватила его и вместе с двумя Ангелами слева и справа утащила его со сцены.

Еще до того, как он смог усесться на стул в гримерке, к нему подбежали его одноклассники, отвечавшие за реквизит и ждавшие его в коридоре за кулисами. Один поил его водой, другой кормил шоколадом, а кто-то стащил с него парик.

Сетка, под которую были убраны его волосы, полностью промокла от пота, а мягкие черные пряди прилипли к голове. Пот стекал вниз и смешивался с гримом на лице, что выглядело особенно некрасиво.

Кто-то из помощников присел на корточки и стащил с него сапоги на высоком каблуке. Чтобы снять обувь, пришлось приложить немало усилий, потому что у Сянь Цая опухли ноги. Когда ступни юноши наконец-то вытащили из сапог, носы окружающих наполнил сильный запах крови, а перепуганная одноклассница вскрикнула:

- Сянь Цай, тебе же ноги еще раз не ампутируют?!

- ...

Сянь Цай молча взглянул на «каркающую» девчонку.

После этого много времени ушло на санацию ран и нанесение лекарств. Кровавые мозоли обработали спреем «Юннань байяо». Каждый раз, когда на рану распыляли лекарство, плечи Сянь Цая вздрагивали, а брови сходились вместе на переносице, но боли не было.

В конце концов, чтобы вернуться на сцену и снова начать танцевать, он перенес гораздо больше боли, чем сейчас.

Надев на обе ноги шлепанцы, Сянь Цай вздохнул с облегчением и взял стоявшее рядом средство для снятия макияжа, чтобы протереть лицо.

Из-за того, что сценическое освещение слишком сильно, театральный грим выглядит во много раз более преувеличенным, чем повседневный макияж. А Сянь Цай к тому же играл сексуальную и очаровательную королеву-трансвестита. Он наклеил три пары накладных ресниц и выдавил на веки полтюбика блеска. Снимая макияж, он действовал грубо. Одноклассницы рядом с ним просто больше не смогли на это смотреть.

- Староста! Это твое лицо, а не стена! - кто-то из них огорчился. - Забудь, опусти руку, я сниму тебе макияж.

- Не нужно, - он снова небрежно потер себе лицо. - Я тороплюсь.

Стерев ярко-красную помаду и слишком густо наложенные тени, юноша встал перед зеркалом. Кожа у него была очень белой, а длинноватые волосы мягко лежали на лбу. Некоторое время он мыл руки, а потом, сам не понимая почему, протянул руку и коснулся своего отражения в зеркале. Внезапно он не смог вспомнить, как выглядел пять лет назад.

Забудь.

Семнадцатилетний Сянь Цай уже не существует.

Он торопливо переоделся, схватил бумажник и мобильный телефон и выбежал из гримерки за кулисы.

- Я сегодня уйду пораньше!

- Ты куда? - спросил Ангел, который все еще делал селфи. - Ты не идешь на праздничную вечеринку?

- Нет! - Сянь Цай, не оглядываясь, помахал на прощание рукой. - Не засиживайтесь допоздна, деньги на барбекю пойдут с моего счета!

- Обнимаю братца!

- Староста могуч!

- Ах, когда я смогу стать таким же великим, как Сянь Цай ге!

- Как только Тан позволил тебе стать главным, ты стал таким клевым!

Сянь Цай не слушал шуток одноклассников, оставшихся позади. Он завернул за последний угол и вышел из театра ШаньХэ через боковую дверь. Эта дверь предназначалась для того, чтобы актеры могли свободно входить и выходить из театра. Некоторые фанаты тоже, бывало, толпились там с подарками и с нетерпением ждали своего любимого актера.

Но теперь в тусклом свете там стояла только одна фигура с опущенной головой и руками в карманах. Кто знал, о чем думал тот человек.

Сянь Цай остановился.

У него возникло сильное желание сбежать. Он мог развернуться на месте, вернуться в театр, отпраздновать успех премьеры со своими однокурсниками, выпить и поесть барбекю в палатке перед университетом вместо того, чтобы в эту безмолвную ночь встретиться лицом к лицу с человеком, которому он не знал, как посмотреть в глаза.

Но бежать было уже слишком поздно.

Тань Имин услышал его шаги и поднял голову.

Два взгляда встретились, и это было похоже на то, будто бы в темной ночи вспыхнул свет.

- Цайцай, - тот человек прошептал его имя; в уголках рта у него возникла необъяснимая улыбка, - я думал, что ты не выйдешь.

- ... - Сянь Цай был немного смущен и склонил голову перед этим человеком. Он не знал, что ему и сказать.

- Почему бы я не вышел? Я не могу жить в театре.

- Я думал, что ты нарочно заставил меня здесь стоять, а сам ушел через парадный вход, - Тань Имин пожал плечами.

- ... - Сянь Цай вообще больше не мог поднять голову.

Что ж, ему пришлось это признать. Просто на самом деле он немного, совсем немножко хотел ускользнуть через парадный вход. Но в конце концов - разум смог победить чувства - он явился, как и обещал.

Было уже поздно, и кафе поблизости от театра ШаньХэ уже закрылись. Ярко светился только работающий круглый сутки ресторан, где подавали жареную курицу из Кентукки. Так что вдвоем они без каких-либо переживаний отправились в сторону KFC.

В последние несколько дней Тань Имин пребывал в рабочей запарке и оставался на студии звукозаписи. Он ел фастфуд каждый день. Теперь его тошнило от одного взгляда на седобородого старика на вывеске.

Поэтому он попросил только чашку кофе, а затем вытащил бумажник и отложил в сторону, чтобы расплатиться, когда Сянь Цай сделает свой заказ.

- Я хочу семейный Баскет, - сказал Сянь Цай официанту напрямую.

- Не нужно заказывать еду на меня, - торопливо перебил его Тань Имин. - Я только выпью кофе.

- ...Я это для себя заказал, - произнес Сянь Цай.

Он прыгал и скакал по сцене два с половиной часа. Он так проголодался, что его грудь прилипла к спине, и теперь мог утешить себя только огромной порцией жареной курицы и бургером.

Тань Имин:

- ...

Немного смутившись, Сянь Цай открыл свой WeChat-кошелек и приготовился расплатиться, но Тань Имин его остановил.

Вскоре на стол поставили ароматную жареную курицу. Тань Имин держал в руке чашку с кофе и наблюдал, как юноша со скоростью ветра уничтожил пару острых крыльев и гамбургер, а затем облизнул пальцы и набросился на следующий десерт.

Когда Сянь Цай был подростком, он взвешивался каждую неделю, ел как можно меньше жирного, соленого и вонючего, а еще – следил за тем, чтобы его вес не превышал норм, установленных школой. В то время он был стройным и легким. Когда он надевал белую рубашку, а на улице дул ветер, казалось, что его вот-вот унесет этим ветром.

Однако после того, как он впервые вышел на сцену в мюзикле в свои двадцать лет и упал в обморок за кулисами, отыграв всего пять спектаклей, режиссер приказал ему перестать сдерживать аппетит и есть, если он голоден, чтобы поддерживать физическую выносливость.

С той поры аппетит Сянь Цая рос угрожающими темпами. В конце концов, было слишком сложно выступать в мюзиклах – петь, танцевать и играть роль, порой плакать, а порой – смеяться. Если вы не будете поддерживать необходимую для этого энергию, то вас в любую минуту смогут отправить в больницу.

Так что после каждого выступления Сянь Цай на одном дыхании поедал порцию двух взрослых мужчин. А что же насчет набора веса? Этой проблемы больше не существовало! Он не был больше худеньким Маленьким Лебедем – он стал мускулистым Боевым Гусем!

Пока он сражался с едой, Тань Имин, сидевший напротив него, продолжал его разглядывать.

Тяжелый грим был смыт с его лица, и перед мужчиной возникла хрупкая внешность молодого человека. Если бы Тань Имин захотел описать внешность Сянь Цая одним словом, то выбрал бы слово «чистый».

Сянь Цай был очень чистым.

Словно зеленый бамбук или чистый родник – каждая деталь в нем несла освежающий и чистый вкус.

На нем была надета футболка с логотипом Академии Танцев Хуачен, большая «танцующая» линия которого был скручена и изменена, чтобы изобразить фигуру танцора. На ногах у него были шлепанцы. Тань Имин опустил взгляд на его ступни и заметил на них множество ужасных длинных и коротких шрамов.

Эти шрамы были слишком страшными и слишком бросались в глаза. Зрачки Тань Имина сузились: он и представить себе не мог, какой несчастный случай оставил такие ужасные отметины.

Цайцай... разве он не был танцовщиком? Почему он появился на сцене в мюзикле, должно быть это связано с теми шрамами? Тань Имин хотел задать вопрос, но не знал, в каком положении он находится, чтобы спросить об этом.

Спросить, как друг?

Нет, их отношения были сложнее, чем дружеские.

В этот момент ноги Сянь Цая шевельнулись, и ступни, которые были раньше выставлены на свет, вдруг отодвинулись назад. Ступни и лодыжки легли друг на друга и скрылись под стулом.

Тань Имин бессознательно оторвал взгляд от ног юноши и, когда поднял глаза, обнаружил, что Сянь Цай прикончил всю еду на столе и смотрит на него.

- Ты... - произнес Сянь Цай, его мужской чистый голос было очень приятно слушать. - Ты не такой, каким я тебя себе представлял.

- Правда? - Тань Имин засмеялся. - Ты очень отличаешься от того, каким я тебя себе представлял.

«Не такой», «очень отличаешься». Если бы эти слова поменяли местами, их значения были бы совершенно различными.

Сянь Цай, снедаемый любопытством, не выдержал и спросил:

- А каким ты меня себе представлял?

- Мое представление, - ответил Тань Имин, - было основано на информации, которую ты мне тогда сообщил: пять лет назад ты был студентом балетного отделения и собирался заканчивать университет. Я никак не ожидал, что ты проучишься в своем университете столько лет.

Сянь Цай был так смущен, что ему показалось, будто он вот-вот взорвется на месте. После такого количества лжи правда наконец-то вышла наружу.

Он не знал, что дезинформация, которую он тогда оставил, ввела Тань Имина в заблуждение на целых пять лет.

После того, как той ночью закончился песенный фестиваль, Сянь Цай развернулся и ушел, не попрощавшись. В то время он твердо решил не только удалить контакт Тань Имина, но и больше никогда не использовать свой аккаунт QQ.

Тань Имин пытался найти его – в Китае было всего несколько университетов, где была специализация по балету. Он расспрашивал на одном факультете за другим, но нигде не нашлось даже первокурсника с именем, в котором был бы слог «Цай».

Позже Тань Имин связался с несколькими балетными труппами и поручил узнать там, существует ли такой танцор, но ответ все равно был отрицательным.

Бесчисленное множество раз Тань Имин сомневался в себе: не был ли Маленький Лебедь свалившейся перед ним мечтой, которую он сам выстроил, учась в одиночестве за границей? А теперь, когда он очнулся ото сна, его Лебедь улетел?

...Но сегодня, когда они случайно встретились, Тань Имин обнаружил, что его сон был правдой, и Лебедь был настоящим, вот только Лебедь лгал и обманывал его.

- Это... Прости, – сказал Сянь Цай. – Я был очень молод, и поэтому хотел казаться более взрослым.

- Тогда тебе в этом году исполнилось 22?

- Нет, 23. Я брал в старшей школе академический отпуск на год.

- Бросил школу?

- Эн, – Маленький Лебедь снова вытянул вперед свои перепончатые гусиные лапы и пошевелил ими. – Я и правда раньше учился балету. Но случилась серьезная автомобильная авария, я пропустил год в школе и перевелся на музыкально-танцевальное отделение. В то время я находился в очень подавленном настроении, а потом случайно услышал голос Юнь Да, и я просто...

Он просто...

После этого Сянь Цай больше ничего не сказал, а Тань Имин не стал отвечать.

Через некоторое время Тань Имин возобновил беседу. Он протянул руку и сказал:

- Не называй меня Юнь Да. Позволь представиться. Меня зовут Тань Имин, и теперь я возглавляю студию коммерческого дубляжа.

Перед Сянь Цаем оказалась протянутая рука. Через несколько секунд он тоже поспешно вытянул свою, осторожно коснулся кончиков пальцев Тань Имина, в фальшивой манере потряс их пару раз вверх и вниз и торопливо отдернул руку.

Ладонь Тань Имина была широкой и горячей. Сянь Цай чувствовал, как он обжигает его.

- Меня зовут Сянь Цай, - сказал он. - Я - актер мюзиклов.

После этого они долго говорили.

Они рассказали друг другу о своей жизни и работе.

Тань Имин рассказал, что пять лет назад он не вернулся сразу же в Китай после окончания учебы. Сначала он устроился на работу торговым помощником в финансовую компанию в США, погасил студенческую ссуду, и только потом уехал в Китай, скопив денег, чтобы открыть свою собственную студию коммерческого дубляжа. Из-за всего этого у него произошел ожесточенный конфликт с родителями. На поле битвы вышло более дюжины родственников, и всех их гораздо больше беспокоил размер его годового дохода, чем он сам. Из-за этого конфликта помириться со своими родителями ему было очень трудно, и теперь он практически не общался с родней, за исключением того, что ездил домой во время Весеннего Фестиваля.

В сравнении с ним, Сянь Цай в последние годы жил намного спокойней. Он поступил в первый же университет, в который подал документы, потому что добился хороших результатов как в пении, так и в танцах. Его премьера состоялась, когда ему было двадцать лет, и он играл роль в ремейке мюзикла, созданного в Южной Корее. Мюзикл получил очень хорошие отзывы, и был сыгран на сцене почти сто раз. Однако из-за своей учебы Сянь Цай участвовал только в первом туре постановки.

Еще Тань Имин рассказал, что менее чем через три месяца после того, как он вернулся в Китай, его личность была разоблачена. Некоторые фанаты радовались и приветствовали его возвращение, а некоторые, естественно, высмеивали его «ложное прощание». Его основная работа теперь заключалась в том, чтобы дублировать фильмы и ТВ-сериалы, а еще он вел бизнес как коммерческий агент в сфере дубляжа, чтобы помогать другим актерам озвучания, оказавшимся под его началом.

А Сянь Цай поведал, что никто из его старых знакомых по школе не стал его нынешним однокурсником. Индустрия мюзиклов была слишком бедной и выдохшейся. Большинство из его одноклассников поступили на другие факультеты. А еще среди них был мальчик, который дебютировал как айдол, и теперь стал очень популярным.

- Популярный айдол с большим трафиком? - с любопытством спросил Тань Имин. - Кто это? Если он снимался в сериале, то, может быть, я его даже дублировал.

- Чэнь Цзыжань, - подмигнул Сянь Цай. - Когда я учился в старшей школе, он сидел позади

меня. Он не прошел вступительные экзамены в университет, и поэтому отправился прямо на шоу талантов, чтобы дебютировать на высоком уровне.

- ..., - выражение Тань Имина было невозможно передать словами.

- Нет, неужели... да быть не может? Ты ведь на самом деле его не дублировал?

- Не я, мой голос ему не подходит. Но люди, которые на меня работают, с ним совпадают, - при разговоре об этом у Тань Имина разболелась голова. - В костюмированной драме, которая вышла в этом месяце он наделал полно «раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, семь, шесть, пять, четыре, три, два, один»*. Никто не может его дублировать, требования брокера очень высоки. [Прим. пер. Анлейтер предположил, что эта фраза из песни, и обозначает «сделать что-то и тут же забыть». Я предполагаю, что это что-то вроде уловки, если актер забыл слова, но знает, что его все равно будут переозвучивать, так что губы шевелятся, а что он говорит - неважно.]

Сянь Цай слегка наклонился вперед всем телом и прошептал:

- Агент подписал его на три большие работы одновременно - развлекательное шоу и две драмы. Как ему успеть выучить реплики?

Они вдвоем посмотрели друг на друга и улыбнулись.

Тем вечером они много разговаривали.

Поговорив о работе, поговорив о жизни, они поговорили о слухах.

Они оба наполовину были погружены в индустрию развлечений, но их сферы деятельности не пересекались, и им можно было легко делиться множеством сплетен.

Они поговорили обо всех крупных и не очень событиях прошлого, но не заговаривали об одном - о той сцене пять лет назад, когда Сянь Цай ушел, не попрощавшись.

Они оба сознательно избегали этой темы. Им казалось, что пока они это игнорируют, то смогут забыть песню Розы, забыть свои сожаления, забыть слезы и забыть слова, которые так и не были сказаны.

Атмосфера между ними становилась все лучше и лучше.

Они действительно походили на старых друзей, не видевшихся долгое время. А после новой встречи у них сложились гармоничные отношения.

- Уже поздно, - Сянь Цай взглянул на свой телефон. - Хорошему лебедю нужно лететь в свое гнездо и выспаться.

Тань Имин развеселился.

Они вдвоем поднялись с места одновременно. Тань Имин очень по-джентльменски задал вопрос:

- Где ты живешь? Я тебя провожу.

- Не нужно, - Сянь Цай покачал головой и указал пальцем на стеклянную дверь. - Снаружи меня ждет мой парень.

Автору есть, что сказать:

Началась вторая часть.

Прошло пять лет и пяти лет хватило на то, чтобы случилось многое.

<http://bllate.org/book/13905/1225498>